

ЭФФЕ "ЦИРКА" ОДИН

аппаратчика до слесаря-алкаша, от пионера до рафинированного эстета, рассуждающего о Пикассо и Дюшане. Эти персонажи как бы являются нам элементы "фундаментального лексикона", говорящие детали единого стиля эпохи семидесятых. Впрочем, присутствуют и "негативные герои", так сказать, антидемократии. Например, отщепенец, который, подлец, не ест свою норму, а тайно бросает ее в реку.

Сколько историй рассказало Сорокиным, как блестяще представляет он мнимое богатство дискурсов "совкового периода"! Но центр всего этого многообразия один - НОРМА, свежая, засохшая, пропущенная через дистиллятор, но все равно от этого не перестающая быть... Да, им самым! Читатель уже не живет внутри текста, а ждет, когда же начнется поедание заветного брикета.

Тошнотворный образ Сорокина становится истинным предикатом этой вымурочной грамматики.

Другой пример. Плетется текст о возвращении героя-интеллигента почвенной ориентации на родину в заброшенный дом отца. В пространство сорокинского текста втягивается и школьный Бунин, и Шмелев, и Леонов со своим "Русским лесом", и даже Набоков - автор "Дара". Все так светло, чисто, возвыщенно:

благородный облик старика-отца; эпизоды охоты, семейные реликвии, именитые предки, заброшенный сад, сентиментальная любовь к селянке, трагическая гибель девушки от удара молнии, строки из Тютчева, Карамзина. Поет автор, заливается, подперев русскую щеку аристократической, но умелой и ловкой рукой. Хорошо, ох б..., не могу, как хорошо! Вот это междометие сразу же обнажает фиктивность стоящей за этим национально-почвенническим дискурсом жизни и переводит всю эту писанину в регистр чистой медитации. А в finale Сорокин окончательно раздевает отработанную грамматику, приводя разговор автора с редактором (тоже, кстати сказать, устойчивая структура русской классики):

"- Что - вот?
- Ну все в смысле...
- Что, конец рассказа?
- Ага.
- Понятно... Ну ничего, нормальный рассказ...
- Нормальный? (И сразу вспоминается норма из первой части - И.С.)
- Ага. Понравился.
- Ну, я рад.
- Только вот это, я не пойму...
- Что?
- Ну там в середине мат был какой-то...
- Ааха...
- Там что-то, б... не могу и так далее. Не понятно.
- Ну это просто я случайно. Вырвалось.
- Как?
- Ну так... Знаешь, разные там хлопоты, денег нет, жена, дети...
- Ааха..."

Мы думаем, что поэзия рождается из жизни, отражает ее противоречивое течение, объясняет ее как-то. Что ж, Владимир Сорокин пытается проверить эту истину. Он берет известные всем поэтические строки классического соцреализма, но не холодный официоз, а задушевно-массовое, и забрасывает их в контекст "презренной прозы",

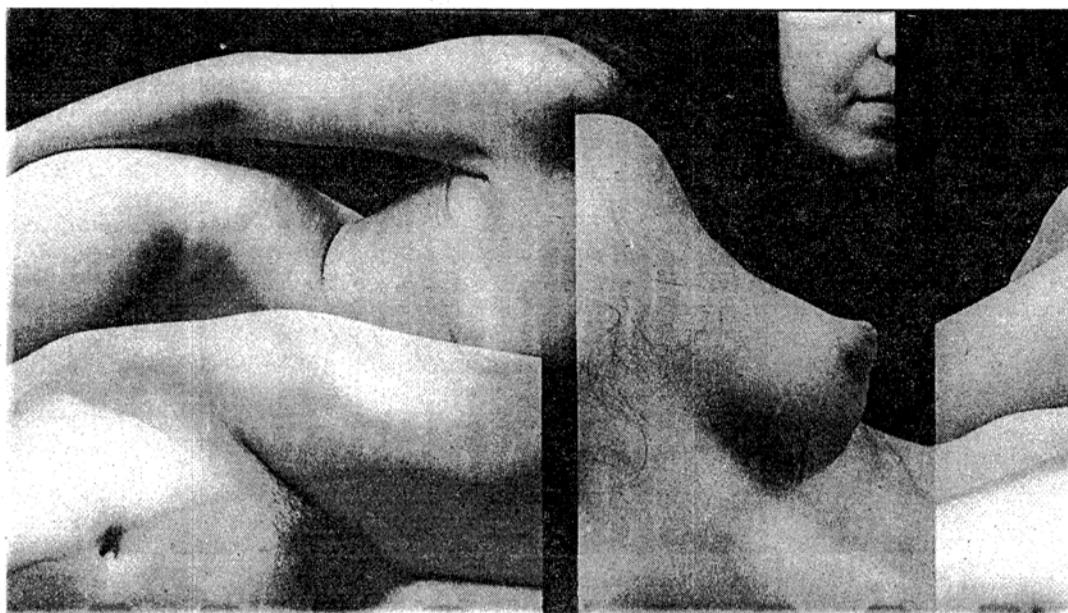
запаивая в стиль докладных записок. И сразу же вянет пафос, начинает буксовать оптимистический ритм, метафоры превращаются в термины - одним словом, рушится бередящая душу грамматика стиха. Во фрагменте "Сигнал из провинции" работник органов обсуждает со своим подчиненным оперативную обстановку, но говорят они фразами из смеляковского стихотворения о "хорошей девочке Лиде":

" - Начните с начала, капитан.
- В общем, товарищ полковник, у нас вдоль маленьких домиков белых акаций душно цветет. И здесь недалеко, полчаса от Днепропетровска, село Жупаница, одна хорошая девочка Лida на улице Южной живет.

- Так. Ну и что?
- Ее золотые косицы, товарищ полковник, затянуты, будто жгутом. А по платью, по синему ситцу, как в поле, мелькают цветы.

- Так.
- Вот. Ну вовсе, представьте, не ловко, что рыжий пройдоха Апрель бесшумной пыльцою веснушек засыпал ей утром постель.

- Это кто?
- Да еврей один, спекулянт, гнусная личность. Но дело не в нем. Я думаю, товарищ полковник, не зря с одобрением веселым соседи глядят из окна, когда на занятия в школу с

С.Осьмачкина. Из цикла "Материя". Композиция № 70, 1995.

Владимир Сорокин родился в 1955 г. в Московской области. Окончил институт нефти и газа, работал художником-оформителем, занимался книжной графикой, живописью. Как прозаик, начал пробовать себя с четырнадцати лет. "Шокирующую брутальность" (Б.Грайс) тексты Владимира Сорокина обретают в середине семидесятых годов, когда он попадает в среду московского художественного андеграунда, в круг концептуалистов - Ильи Кабакова, Эрика Булата, Андрея Монастырского, которые открыли ему неповторимую эстетику "чудовищного советского мира". Сорокин начинает писать в откровенно соцартовской манере, обыгрывая каноны нормативной литературы конца сороковых - пятидесятых годов (сборник рассказов "Первый субботник"). С начала восьмидесятых годов Сорокин "перетекает" в постмодернизм и работает с самыми разнообразными языками и стилями, начиная от высоких литературных и кончая бюрократическими и нецензурными. Переведен на десять европейских языков. Автор книг: "Очередь" (роман), "Тридцатая любовь Марины" (роман), "Роман" (роман), "Месяц в Дахау" (повесть), "Обелиск" (сборник рассказов), "Сердца четырех" (роман, финалист Букеровской премии 1992 года), "Норма". Всемирная слава Владимира Сорокина эффективно контрастирует с его малой известностью в широких кругах российского читателя. Впрочем, это обстоятельство прозаика нимало не заботит. Как заявил он в одном из интервью, сравнивая себя с Айтматовым и Евтушенко: "Они пишут для народа, а я - для себя".

портфелем проходит она..."

Жизнь у Сорокина оказывается текстуальной, но это вовсе не означает, что верно обратное. Текст не является собой правды жизни. Литература у Владимира Сорокина существует, можно сказать, в своем чистом виде - ДРУГАЯ РЕАЛЬНОСТЬ. Она не имеет ни социальных, ни нравственных, ни даже психологических контактов с действительностью, с повседневностью. Она - другая! Но она же и реальность, то есть нечто субстанциональное, ничем не заменимое, необходимое, как еда и сон. Далекий от морализаторства, не привыкший ласкать ухо словом, Сорокин представляется мне одним из самых последовательных современных апологетов литературы как способа существования субъекта.

В связи с прозой Сорокина можно говорить о катарсисе почти в аристотелевском понимании. После того, как прочтешь его вещи, возникает чувство облегчения и очищения после сострадания через отвращение. Такое вот странное чувство.

Когда мы "обжираемся" текстом, нас начинает тошнить. Сознание извергает токсичные элементы, которые образуются из вредного сочетания разнофункциональных структур. Мы уже не различаем поэзию и политику, литературу и нравственность, метафору и быт. Сорокин лечит нас от ОТРАВЫ ТЕКСТА, которой пичкает нас вывишнутая эпоха. Лекарства не бывают вкусными, особенно, отечественные.

Заканчиваю, потому что мне все равно мешает мой четырнадцатилетний сын, хороший парень, эрудит и битломан. Он прилежно изучает "Чайльд Гарольда", читал "Серую тетрадь" А.Введенского, но год назад с восторгом рассуждал о "Молодой гвардии" Фадеева. Он поет из Джимми Хендрикса, но слушает и показательные в своей народности хоры. Я стараюсь не разбрасывать по квартире свои книжки с современной прозой. Но мне кажется, что этот оболтус скоро доберется до Владимира Сорокина.

1996 №3